

5. Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. – Kodeks postępowania karnego: Wydawnictwo Szkolne PWN Sp. z o.o., Warszawa – Bielsko-Biała, 2009. – 800 s.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : Кодекс Республики Таджикистан, 3 дек. 2009 г. // СоюзПравоИнформ. Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2012.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана : Кодекс Туркменистана, 18 апр. 2009 г. // СоюзПравоИнформ. Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2012.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики : Кодекс Кыргызской Республики, 30 июня 1999 г. // СоюзПравоИнформ. Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2012.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : Кодекс Республики Казахстан, 13 дек. 1997 г., № 206-1 // СоюзПравоИнформ. Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2012.
10. Волколуп, О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования / О.В. Волколуп. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 265 с.
11. United States Code, 2006 edition : containing the general and permanent laws of the United States enacted through the 109th Congress / prepared and published under authority of Title 2, U.S. Code, Section 285b, by the Office of the Law Revision Counsel of the House of Representatives. – Washington : United States Government Printing Office, 2008. Vol. 11: Title 18 – Crimes and criminal procedure. – 1360 p.
12. Архив суда Ленинского района г. Гродно за 2007 г. – Уголовное дело № 1-574/07.

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ

Горбунова Е.Г.

Ввиду образования Следственного Комитета Республики Беларусь, следует отметить, что порядок досудебного производства по уголовным делам, претерпел некоторые изменения. Однако, к сожалению, некоторые вопросы законодательного регулирования расследования преступлений, были решены частично. Проблема расследования преступлений в составе следственно-оперативной группы (Далее - СОГ), по-прежнему осталась без внимания со стороны законодателя.

Создание СОГ не предусмотрено уголовно-процессуальным законом, поэтому теория и практика борьбы с преступностью относит ее деятельность к непроцессуальной форме взаимодействия.

Актуальность данного вопроса, находит свое отражение в острых дискуссиях по проблеме правомерности создания и деятельности СОГ и их соотношения со следственными группами в науке уголовного процесса и криминалистики, а также позволяет говорить об объективной необходимости процессуальной разработки вопросов, касающихся расследования преступлений СОГ [1, с.144].

Следственно-оперативная группа – это специфическая организационно-управленческая форма взаимодействия органов следствия и дознания, а также должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (Далее - ОРД), представляющая собой организационное формирование (постоянного или временного характера), которое состоит из следователей, оперативных работников органа внутренних дел и иных специалистов, создаваемое для лучшей организации деятельности по раскрытию и расследованию тяжких и особо тяжких преступлений [2, с.67].

Взаимодействие в форме СОГ не ограничено выполнением оперативно-розыскным органом конкретного задания, а может продолжаться непрерывно с момента возбуждения уголовного дела до завершения предварительного следствия, это бесспорное преимущество, в сравнении с иными формами взаимодействия следователя и оперативных работников

Также в работе СОГ наиболее полно реализуются возможности органа внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений, поскольку она обеспечивает комплексное использование сил и средств различных служб.

Таким образом, специфическим, отличающим СОГ от всех других форм взаимодействия признаком является максимальная степень объединения усилий следственных и оперативно-розыскных органов.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве регламентации о создании и деятельности СОГ мотивировано, по-видимому, опасением законодателя перед «сращиванием» процессуальной формы расследования с непроцессуальной, а также желанием сохранить четкую грань между этими видами деятельности [3, с.68].

В настоящее время создание и деятельность СОГ регулируется лишь ведомственными актами. Это обстоятельство, наряду с другими, позволяет отнести деятельность следственно-оперативной группы к организационным формам взаимодействия. Однако сводить создание и деятельность СОГ только к этому аспекту было бы неверно, поскольку в данном взаимодействии усматривается и процессуальная сторона.

К тому же вся деятельность следственной и следственно-оперативной группы направлена на принятие процессуальных решений, и с этим нельзя не считаться.

Законодательство не освещает вопросы, связанные с организацией и функционированием СОГ.

Изучив нормативно-правовые и ведомственные акты, регулирующие данную сферу деятельности следователя и оперативных работников, проанализировав нормы уголовно-процессуального законодательства, материалы следственно-оперативной практики, а также работы известных ученых-процессуалистов и криминалистов, автор предлагает предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве норму, регламентирующую производство предварительного следствия не только следственной группой, но и СОГ.

В этой связи возникает необходимость решения ряда вопросов, связанных с законодательным регулированием расследования преступлений СОГ.

Определяя состав СОГ, необходимо учитывать профессиональные качества каждого следователя, опыт его работы, умение работать в группе, психологические свойства и его совместимость с другими членами группы. Все это в совокупности обычно дает положительный результат при формировании и функционировании СОГ.

К правам следователя руководителя СОГ относят распределение обязанностей между подчиненными ему следователями и оперативными работниками, выработку плана совместных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (Далее - ОРМ).

Исходя из вышесказанного, следует отметить что, специфика деятельности следователей в СОГ заключается в ограничении их процессуальной самостоятельности, пределами выделенного ему участка (объема) работы. Процессуальные решения, касающиеся решения о соединении и выделении дел; прекращении производства по уголовному делу в целом или его части; приостановлении или возобновлении производства по уголовному делу; возбуждении ходатайств о продлении срока следствия; применении в качестве мер пресечения заключения под стражу, домашнего ареста и их продлении; привлечении в качестве обвиняемого, имеет право принимать только руководитель СОГ.

Так, на мой взгляд, в уголовно-процессуальном законодательстве необходимо уточнить круг полномочий руководителя СОГ.

У следователя, назначенного руководителем СОГ, сохраняется право производства по делу следственных и иных процессуальных действий, но меняются процессуальные и организационно-управленческие полномочия. Становясь руководителем группы, следователь в рамках порученного ему дела получает дополнительные, не предусмотренные ст. 36 УПК РБ полномочия по организации и руководству действиями других следователей, т. е. он дополнительно приобретает организационно-управленческие функции по руководству СОГ.

Кроме этого, при назначении руководителем, на него возлагается ответственность за качество следствия, проводимого не только им лично, но и другими следователями – членами группы. Таким образом, в ходе осуществления руководителем СОГ своей деятельности, существует объективная необходимость процессуального контроля и руководства общей организацией работы СОГ, а значит, и каждым следователем, т. е. он частично должен приобрести надзорные функции, присущие деятельности начальника следственного подразделения [4, с.65].

В силу процессуальной самостоятельности следователя, контролирующей субъект – руководитель следственной группы – не вправе отменять решения следователя. Такое право предоставлено начальнику следственного подразделения в случаях, указанных в п. 3 и 15 ст. 35 УПК РБ, т. е. проверять материалы проверок по заявлениям или сообщениям о преступлении, отменять незаконные и необоснованные постановления следователя.

Данными полномочиями, на мой взгляд, целесообразно будет наделить и руководителя СОГ.

Также, следует особо обратить внимание на необходимость детальной законодательной регламентации категорий преступлений, по которым допускаться возможность производства следствия СОГ, т.к. такие имеющиеся основания, как сложность и трудоемкость – являются оценочными категориями.

К основаниям, дающим возможность поручения расследования уголовного дела СОГ необходимо отнести:

- многоэпизодность фактов совершенного преступления;
- совершение преступлений в разных административно-территориальных единицах;
- возникновение необходимости в осуществлении множества следственных и иных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, которые требуют особых методов и подходов;
- наличие и устойчивость существования источников доказательственной информации, а также интенсивность процессов их исчезновения;
- совершение преступления организованной преступной группой;
- наличие противодействия процессу расследования преступлений, не позволяющее успешно и своевременно расследовать это дело [5, с.63].

В последнее время следственная практика все чаще сталкивается с такими преступлениями, которые имеют особую социальную и политическую значимость – дела о террористических актах, заказных убийствах и некоторые другие виды преступлений. Это обстоятельство ставит перед органами следствия задачу закончить расследование в возможно кратчайший срок. Как правило, такие дела стоят на особом контроле, вплоть до первых лиц государства, так как имеют широкий общественный и политический резонанс.

Таким образом, дополнительным основанием для поручения предварительного расследования следственной или СОГ, наряду с вышеуказанными можно считать его «особую социальную и политическую значимость».

Литература:

1. Зеленская, Т.В. Соотношение оперативно-розыскной и правоохранительной деятельности / Т.В. Зеленская // Роль правоохранительных органов в современном обществе: проблемы научно-практического обеспечения: материалы X межд. науч.-практ. конф.– Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирского института МВД, 2006.– С. 144-146.

2. Улимаев, Р.Ю. Понятие и виды следственной и следственно-оперативной группы / Закон и право. – 2007. – № 12. – С. 67– 68.
3. Аменицкая, Н.А. К вопросу о взаимодействии следственных и оперативно-разыскных органов // Современные проблемы юридической науки и практики: Сборник научных трудов. – Н. Новгород, 2004. – Вып. 3. – С. 67–72.
4. Хамгоков, М.М. Проблемы руководства следователем, членом следственной группы / Закон и право. – 2008. – № 11. – С. 65– 66.
5. Хамгоков, М.М. Производство предварительного следствия следственной группой: Науч. практ. пособие. – Нальчик, 2008. – 196 с.

СВЯЗЬ НЕКОТОРЫХ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ С УСТАНОВЛЕНИЕМ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК ЭЛЕМЕНТА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Кравцова М.А.

Одним из актуальных вопросов, связанных с процессуальными гарантиями прав потерпевшего, является вопрос об установлении всех последствий общественно опасного деяния, в том числе морального вреда, причинённого преступлением. Данные, которыми мы располагаем, показывают, что в ходе предварительного расследования моральный вред, являясь оценочной категорией, не рассматривался в качестве самостоятельного последствия общественно опасного деяния в более чем 90% случаев. Считается, что установление имущественного и физического вреда, доказанность вины обвиняемого, предъявление ему обвинения являются достаточными аргументами для признания факта причинения морального вреда и, как следствие, должных мер, направленных на установление глубины, тяжести, последствий причинения морального вреда потерпевшему следователем не предпринимается.

Общественно опасное деяние отражает последствия преступного воздействия на человека посредством механизма совершённого преступления. Разделяя мнение С.А. Синенко, считаем, что к непосредственному воздействию относится не только контактное физическое, но и негативное психическое, психологическое воздействие [1, с. 11]. Проблемы взаимозависимости нанесения преступлением физического и другого вида вреда также исследовались А.П. Рыжаковым, который пришёл к выводу, что в основе определения потерпевшего от преступления находится причинённое ему физическое, психическое, психологическое и моральное повреждение [2, с. 125]. В криминалистике основоположниками разработки проблем исследования природы психологических и психиатрических реакций и процессов у потерпевших во время совершения преступления и после его совершения являются А.Р. Ратинов, А.В. Дулов и др. [3, 172-176; 4, с. 216-234]. Психологический образ потерпевшего после совершения преступления, исследовался и другими авторами – В.С. Бурдановой и А.Б. Соловьёвым. [4;6]